

София
Вул

РЕСТАВРАЦИЯ *любви*

СТАРЫЕ РАНЫ МОЖНО ЗАЛЕЧИТЬ,
ЕСЛИ НАЙТИ В СЕБЕ СМЕЛОСТЬ ДОВЕРИТЬСЯ СНОВА

София Вул

Реставрация чувств

«Автор»

2026

Вул С.

Реставрация чувств / С. Вул — «Автор», 2026

Архитектор Соня Артёмова выигрывает главный тендер своей карьеры — реставрацию старой фабрики на Обводном канале. Но за спиной инвестора, утверждающего проект, оказывается Данила Реутов — человек, который восемь лет назад молча исчез из её жизни накануне их общего переезда в Лондон, не дав ни единого объяснения. Восемь месяцев им предстоит работать бок о бок, восстанавливая здание, которое когда-то едва не пошло под снос. И, кажется, вместе с фабрикой из руин медленно поднимается и то, что оба считали похороненным навсегда. Роман о том, что старые раны можно залечить, если найти в себе смелость довериться снова — и о том, что даже самое разрушенное способно обрести новую жизнь, если рядом окажется нужный человек.

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая. Столкновение	7
Глава 1. Восемь лет спустя	7
Глава 2. Тендер	10
Глава 3. Прошрое, которое не спросили	12
Глава 4. Профессиональная дистанция	14
Глава 5. Тень над семьёй Реутовых	15
Часть вторая. Стройплощадка	17
Глава 6. Первый день на объекте	17
Глава 7. Марина и Артём	19
Глава 8. Лекция в альма-матер	21
Глава 9. Конкурент	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

София Вул

Реставрация чувств

Глава

РЕСТАВРАЦИЯ ЧУВСТВ

роман

София Вул

Аннотация

Архитектор Соня Артёмова выигрывает главный тендер своей карьеры — реставрацию старой фабрики на Обводном канале. Но за спиной инвестора, утверждающего проект, оказывается Данила Реутов — человек, который восемь лет назад молча исчез из её жизни накануне их общего переезда в Лондон, не дав ни единого объяснения.

Восемь месяцев им предстоит работать бок о бок, восстанавливая здание, которое когда-то едва не пошло под снос. И, кажется, вместе с фабрикой из руин медленно поднимается и то, что оба считали похороненным навсегда.

Роман о том, что старые раны можно залечить, если найти в себе смелость довериться снова — и о том, что даже самое разрушенное способно обрести новую жизнь, если рядом окажется нужный человек.

Содержание

Часть первая. Столкновение

Глава 1. Восемь лет спустя

Глава 2. Тендер

Глава 3. Прошлое, которое не спросили

Глава 4. Профессиональная дистанция

Глава 5. Тень над семьёй Реутовых

Часть вторая. Стройплощадка

Глава 6. Первый день на объекте

Глава 7. Марина и Артём

Глава 8. Лекция в альма-матер

Глава 9. Конкурент

Глава 10. День рождения Артёма

Глава 11. Правда восьмилетней давности

Часть третья. Сближение

Глава 12. Осторожные шаги

Глава 13. Тень прошлого

Глава 14. Рабочий кризис

Глава 15. Прогулка по крышам

Глава 16. Незваная гостья

Глава 17. Трещина во льду

Часть четвёртая. Испытания

Глава 18. Валентина Сергеевна наносит визит

Глава 19. Ультиматум

Глава 20. Момент сомнения

Глава 21. Авария на стройке

Глава 22. Отец

Глава 23. Кредитная линия

Глава 24. Новогодний снег

Часть пятая. Финал

Глава 25. Финальный рывок

Глава 26. Совместный отпуск

Глава 27. Последняя атака Лаврентьева

Глава 28. Открытие

Глава 29. Синдром самозванки

Глава 30. Предложение

Глава 31. Марина находит своё счастье

Глава 32. Приготовления

Глава 33. Разговор с мамой

Глава 34. Последние штрихи

Глава 35. Примерка

Глава 36. Свадьба

Глава 37. Медовый месяц

Глава 38. Рождение общего дела

Глава 39. Свадьба Марины

Глава 40. Новости

Глава 41. Год спустя

Эпилог. Три года спустя

Часть первая. Столкновение

Глава 1. Восемь лет спустя

Софья Артёмова разложила чертежи на столе переговорной и в третий раз проверила, всё ли на месте. Тендер на реконструкцию старой ткацкой фабрики на Обводном канале был самым крупным заказом за всю историю её маленькой студии — три года она мечтала именно о таком проекте: превратить умирающее кирпичное здание в живое пространство, сохранив душу столетних стен.

За окном моросил мелкий сентябрьский дождь, размывая контуры соседних крыш. Соня поправила стопку планшетов, разгладила скатерть, зачем-то переставила бутылку воды на середину стола — и тут же вернула её обратно. Руки хотели заняться чем угодно, лишь бы не выдать волнение.

Победа в конкурсе далась нелегко. Три месяца её команда — всего пять человек, считая саму Соню, — работала практически без выходных, соревнуясь с бюро, у которых были отделы в двадцать раз больше и бюджеты на визуализацию, каких Соня не видела и близко. Но именно её концепция — бережное сохранение фабричных ферм перекрытий, деликатное вписывание современных инженерных систем в исторический каркас — победила на финальной защите с разгромным перевесом голосов жюри.

И теперь оставалось последнее: встреча с новым владельцем здания, представителем инвестора, который должен был лично утвердить финальную концепцию, прежде чем контракт будет подписан и деньги — переведены.

— Он уже здесь, — заглянула в переговорную её ассистентка Марина, слегка запыхавшись после спринта из ресепшена. — И, Соня... мне кажется, тебе стоит подготовиться.

— К чему готовиться? Я знаю проект наизусть, — Соня в последний раз пробежала глазами по титульному листу презентации.

— Не к проекту, — Марина замялась, явно подбирая слова, но не успела договорить.

Дверь открылась раньше, чем Соня успела спросить, что имелось в виду.

На пороге стоял Данила Реутов.

Восемь лет не стёрли ничего — ни резкую линию скул, ни привычку чуть прищуриваться, будто он оценивает собеседника, ни то, как у неё внутри что-то обрывалось при виде него, стоило только вспомнить это лицо. Только костюм стал дороже, взгляд — жёстче, на левом виске появилась первая седина, а вокруг глаз залегли морщинки, каких не было в двадцать три.

— Софья, — произнёс он ровно, без малейшего удивления, из чего она заключила: он знал, к кому идёт. Знал и не предупредил.

— Данила, — выдавила она, чувствуя, как земля под ногами становится зыбкой. — Не знала, что «Реутов-Групп» стоит за этим проектом.

— Теперь знаешь, — он прошёл к столу и сел напротив, как ни в чём не бывало, будто восемь лет молчания были просто перерывом на обед. — Показывай, что вы там придумали. Говорят, твоя студия сделала лучшую концепцию из всех, что видел совет директоров.

Соня сглотнула, собирая остатки профессионализма в кулак. Марина за её спиной тихо прикрыла дверь, оставив их наедине — то ли из деликатности, то ли из инстинкта самосохранения, почуяв, что температура в комнате сейчас резко изменится.

Восемь лет она строила жизнь без него. Восемь лет объясняла себе, что это было к лучшему, что она стала сильнее, что ей не нужен человек, который однажды предпочёл молчание объяснению. И вот теперь этот человек, разбивший её сердце одним холодным сообщением

накануне их совместного переезда в Лондон, сидел напротив и просил показать чертежи как ни в чём не бывало.

«Хорошо, — подумала она. — Значит, играем в профессионалов. Я умею играть в профессионалов лучше, чем кто бы то ни было».

— С удовольствием, — сказала она вслух, разворачивая первый лист. Голос почти не дрожал.

Данила слушал внимательно — так внимательно, что ей на мгновение показалось, будто он снова тот аспирант, который когда-то часами разглядывал её студенческие эскизы, находя в них то, чего не видела она сама. Он задавал точные вопросы про несущую способность старых ферм, про логистику реконструкции без остановки соседних производств, про энергоэффективность будущего здания — вопросы человека, который действительно разбирается в предмете, а не просто изображает интерес.

К концу презентации Соня почти забыла, с кем говорит. Почти.

— Впечатляет, — произнёс Данила, откладывая последний лист. — Совет директоров одобрит это без единого возражения. Я лично прослежу.

— Спасибо, — Соня начала собирать документы, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Соня, — он не двинулся с места. — Может, поговорим? Не о проекте.

— Нам не о чем говорить, — отрезала она резче, чем хотела. — Контракт подписан. Дальше моя команда работает по графику. Постараемся не пересекаться чаще необходимого.

Она вышла из переговорной с максимально ровной спиной, какую только смогла изобразить, и только в лифте, спускаясь на первый этаж своего офиса — да, это был её офис, её студия, её маленькое королевство, выстроенное с нуля, — позволила себе прислониться лбом к холодному металлу дверей и медленно выдохнуть.

Восемь месяцев. Именно столько, по контракту, продлится реконструкция. Восемь месяцев видеть его почти каждую неделю на объекте, обсуждать сметы, согласовывать решения, делать вид, что между ними никогда ничего не было.

Она справится. Она обязана справиться.

Дома, тем же вечером, она набрала номер Марины, всё ещё чувствуя, как внутри трясёт от пережитого потрясения.

— Ты не поверишь, кто оказался за фабрикой, — выпалила она, едва подруга взяла трубку.

— Кто? — с любопытством спросила Марина, судя по звукам, отвлекаясь от какого-то домашнего занятия.

— Данила, — коротко ответила Соня, и на другом конце повисла ошеломлённая тишина.

— Тот самый Данила? — наконец выдавила Марина. — Который восемь лет назад просто исчез с концами?

— Тот самый.

— Сонь, мне приехать? — тут же посерьёзнела подруга, безошибочно уловив в голосе Сони плохо скрываемое смятение.

— Не нужно, — Соня опустила на диван, прижимая телефон к уху. — Просто... мне нужно было сказать это вслух кому-то, кто поймёт, насколько это безумно. Восемь лет молчания, и вот он сидит напротив меня в переговорной, обсуждает балки перекрытий, будто мы вчера расстались.

— А ты как? — тихо спросила Марина.

— Держусь, — Соня закрыла глаза, вспоминая его спокойный, оценивающий взгляд, так не вязавшийся с воспоминаниями о том мальчишке, который когда-то писал ей стихи на салфетках в студенческой столовой. — Профессионально держусь. Пока держусь.

— Если понадобится — я в любое время, — пообещала Марина. — Даже среди ночи, ты знаешь.

Соня поблагодарила подругу и, положив трубку, ещё долго сидела в темноте гостиной, слушая, как за окном шумит вечерний город, и пытаясь убедить себя, что восемь месяцев совместной работы над одним проектом — это не так уж и много времени, и что она, безусловно, справится, не позволив прошлому снова взять над собой верх.

Глава 2. Тендер

Чтобы понять, почему победа в этом тендере значила для Сони так много, нужно вернуться на три года назад — к тому дню, когда она сидела на кухне съёмной однушки, разложив перед собой стопку счетов и договор об увольнении из крупного архитектурного бюро, где проработала четыре года после университета.

Причина увольнения была банальной до отвращения: начальник студии, немолодой мужчина с внушительным портфолио и куда менее внушительной терпимостью к чужим идеям, в очередной раз присвоил себе разработку Сони — концепцию реконструкции старой водонапорной башни под арт-пространство, — представив её клиенту как собственную. Соня, устав молчать и наблюдать, как год за годом её работа приносит славу другим, хлопнула дверью.

— Ты с ума сошла, — сказала тогда её мама, Людмила Николаевна, разливая чай по чашкам с тем особым выражением лица, которое появлялось у неё всякий раз, когда дочь совершала что-то, по её мнению, безрассудное. — Стабильная работа, хорошая зарплата — и всё это ради принципа?

— Мама, я архитектор. Не хочу всю жизнь быть чужой тенью.

— Ты уже проходила это однажды, — тихо заметила Людмила Николаевна, и обеим не нужно было уточнять, что она имеет в виду.

Соня тогда промолчала. Сравнение было болезненно точным: восемь лет назад она точно так же осталась одна, разбитая, без объяснений — только тогда речь шла не о карьере, а о сердце.

Но именно тогда, в тот вечер, среди счетов и сомнений, Соня написала на чистом листе три слова: «Своя студия. Начать».

Первые два года дались тяжело. Клиенты приходили редко, платили мало, приходилось браться за проекты, о которых она не мечтала: перепланировка квартир, косметический ремонт офисов, дизайн интерьера для сети кофеен. Марина, тогда ещё студентка архитектурного, пришла на стажировку и осталась — единственный сотрудник, кроме самой Сони, который верил в студию так же истово.

Тендер на фабрику на Обводном канале появился на горизонте случайно — Соня увидела объявление о конкурсе концепций в профессиональном чате в два часа ночи, когда уже собиралась ложиться спать, и что-то — азарт, отчаяние, интуиция — заставило её сесть за компьютер и начать набрасывать первые эскизы прямо тогда.

Три месяца спустя её команда — теперь уже пять человек, считая двух подрядчиков-инженеров, — победила. Соня плакала от радости прямо в переговорной, узнав результат, обнимала Марину, звонила маме, которая, вопреки обыкновению, тоже расплакалась в трубку.

Никто из них тогда не знал, кто на самом деле стоит за инвестиционной компанией, приобретшей здание фабрики.

Радость победы, впрочем, быстро сменилась суровыми буднями: конкурс концепций был лишь первым этапом долгого пути. Соне предстояло собрать полноценную проектную документацию, согласовать её с десятком инстанций, найти подрядчиков, готовых работать по её требовательным реставрационным стандартам, и, самое главное, — доказать инвестору на каждом этапе, что маленькая студия способна довести до конца проект такого масштаба.

— Знаешь, что самое страшное? — призналась она как-то Марине, когда они вдвоём, обложившись папками смет, засиживались в офисе далеко за полночь. — Не сам объём работы. А то, что теперь, после победы, отступать некуда. Раньше можно было сказать себе: «Ну, не вышло, не так уж и старались». А теперь придётся доказывать делом, что мы действительно лучшие, раз уж выиграли этот тендер.

— Мы докажем, — уверенно ответила Марина, не отрываясь от расчётов. — Ты же всегда говорила: лучший способ побороть страх — сделать шаг вперёд, несмотря на него.

Соня улыбнулась, узнавая в словах подруги собственную давнюю фразу, брошенную когда-то в момент отчаяния, а теперь неожиданно вернувшуюся в качестве поддержки. Именно с таким настроением — смесью страха и решимости — она и готовилась войти в новую, самую ответственную главу профессиональной жизни своей студии, ещё не подозревая, что переступить порог переговорной инвестора ей предстоит в компании призрака собственного прошлого.

Глава 3. Прошлое, которое не спросили

Они встретились восемь лет назад на архитектурном факультете — она, второкурсница с горящими глазами и блокнотом, полным набросков несуществующих зданий, он, аспирант, уже подрабатывающий в отцовской строительной компании «Реутов и партнёры».

Их познакомила кафедральная выставка студенческих проектов — Данила, зашедший туда скорее из вежливости к научному руководителю, чем из искреннего интереса к работам младшекурсников, неожиданно для самого себя задержался у макета жилого квартала, который Соня делала для курсового, разглядывая его добрых полчаса.

— Кто это придумал такую нелепую и одновременно гениальную развязку дворов? — спросил он наконец, и в голосе его слышалось неподдельное удивление.

— Я, — с вызовом ответила Соня, готовая защищать свой проект от любой критики.

— Это не критика, — усмехнулся он, засыпая смущённую, но воодушевлённую его вниманием студентку вопросами о логике планировки внутренних дворов. — Это восхищение с примесью зависти. Я бы до такого не додумался.

С того вечера они стали неразлучны. Три года — спорили о пропорциях фасадов до хрипоты за полночным кофе в круглосуточной забегаловке рядом с общежитием, тайком дорабатывали друг другу курсовые вопреки строгим факультетским правилам о самостоятельной работе, спали на раскладушке в его крошечной студии на Петроградской, мечтали о собственном бюро, где будут строить не то, что выгодно заказчику, а то, что действительно нужно людям. По выходным выбирались в Пушкин, Гатчину, Выборг — изучать исторические памятники с почти священным трепетом, а вечерами возвращались в его тесную квартирку, где потрескавшийся от старости потолок оба в шутку называли своим первым совместным «объектом реставрации».

Данила, обладавший к тому моменту куда большим практическим опытом, взял на себя роль своеобразного наставника, щедро делаясь знаниями о том, как теория архитектуры соотносится с суровой практикой реального строительства. Соня же заражала его собственным, почти детским восторгом перед возможностями архитектуры менять городскую среду к лучшему — восторгом, который он, погружённый в цифры смет и логику стройплощадок, постепенно начинал терять.

— Ты напоминаешь мне, зачем я вообще выбрал эту профессию, — признался он ей однажды, когда они, вымотанные подготовкой к экзамену, сидели на подоконнике факультетской библиотеки поздним вечером. — Не ради денег отца, не ради престижа фамилии, а потому что когда-то, ребёнком, я был совершенно очарован тем, как здания способны формировать человеческие судьбы.

— А потом об этом забыл? — с лёгкой поддёвкой спросила Соня.

— А потом встретил тебя, — серьёзно ответил Данила, — и вспомнил снова.

Соня помнила каждую деталь тех лет с почти болезненной чёткостью: как Данила приносил ей кофе именно такой, какой она любила, ещё до того, как она успевала об этом попросить. Как однажды на первом курсе его аспирантуры он привёл её на крышу заброшенного дома на Васильевском, где они смотрели на закат и он впервые сказал, что хочет прожить с ней всю жизнь. Именно там, лёжа рядом с ним, глядя в вечеряющее небо, она однажды мечтательно заговорила о будущем бюро:

— Мы назовём его как-нибудь красиво. Что-то, что будет отражать нашу философию.

— «Артёмов и Реутова», — с улыбкой предложил тогда Данила. — Или наоборот, кто первый настоит на своей фамилии в названии.

— Посмотрим, кто первый добьётся успеха, — со смехом парировала Соня, — тот и будет решать порядок фамилий.

Потом пришло предложение — приглашение в лондонскую архитектурную школу Bartlett для него, стажировка мечты, о которой грезит каждый молодой архитектор. Соня радовалась искренне, начала откладывать деньги на визу, чтобы поехать с ним. У них был план, расписанный буквально по месяцам: сначала он, через полгода, устроившись, — она, вместе снимут квартиру в Хакни, о которой столько говорили, разглядывая объявления по вечерам.

А потом отцовская компания Данилы обанкротилась в одночасье, и он просто исчез.

Не позвонил. Не объяснил. Прислал одно короткое сообщение: «Прости, ничего не получится. Не жди меня». И пропал — сменил номер, уехал, как выяснилось позже, вовсе не в Лондон, а куда-то на Урал, поднимать с нуля остатки отцовского бизнеса.

Соня узнала правду о банкротстве только год спустя от общих знакомых — случайно, за столиком кафе, где кто-то из бывших однокурсников обронил фразу «ну, ты же знаешь, у Данилы отец тогда всё потерял, еле выкарабкались». К тому времени рана уже настолько заросла коркой, что она предпочла не выяснять подробности. Зачем? Он ушёл. Не объяснился. Значит, не считал нужным.

Она закончила учёбу одна, пережила два года глухой апатии, из которой её буквально за руку вытащила Марина своей заразительной верой в то, что жизнь продолжается. Устроилась в бюро, тяжёлым трудом выстроила репутацию, ушла оттуда ради принципа, открыла свою студию.

И убедила себя, что забыла.

До сегодняшнего дня.

Марина, знавшая эту историю в подробностях, не раз говорила Соне, что рано или поздно ей придётся встретиться с этим призраком лицом к лицу — хотя бы ради собственного душевного спокойствия.

— Ты носишь эту историю в себе, как незалеченную рану, — сказала она однажды, вскоре после того как Соня рассказала ей всё целиком, на третьем году их знакомства. — Может, тебе нужно не забыть, а разобраться. Понять, что случилось на самом деле, а не жить домыслами.

— Мне не нужны его объяснения, — тогда резко ответила Соня. — Мне нужно, чтобы прошлое оставалось в прошлом.

Марина не стала спорить — она слишком хорошо знала характер подруги, чтобы давить на больное, — но с тех пор время от времени, к месту и не к месту, напоминала Соне, что закрытые двери редко остаются закрытыми навсегда, особенно в таком тесном профессиональном городе, как Петербург, где рано или поздно дороги бывших однокурсников имеют обыкновение пересекаться снова.

Глава 4. Профессиональная дистанция

— Концепция сильная, — признал Данила на следующей встрече, две недели спустя, откладывая последний чертёж после почти двухчасового обсуждения технических деталей. — Ты сохранила исторические фермы перекрытий, но встретила современную инфраструктуру так, что это не выглядит компромиссом. Совет директоров в восторге, если тебе это интересно.

— Спасибо, — сухо ответила Соня, сворачивая планшет. — Что-нибудь ещё по проекту?

— По проекту — нет, — Данила помолчал, разглядывая её с тем выражением, которое она помнила слишком хорошо: он всегда так смотрел, когда хотел сказать что-то важное, но не решался. — Соня.

— Всё в порядке, Данила Игоревич, — намеренно официально произнесла она полное имя, будто ставя между ними стеклянную стену. — Проект утверждён, дальше моя команда работает по графику.

Он поморщился от этого «Данила Игоревич», как от пощёчины.

— Может, поговорим? — тихо предложил он. — Не о проекте.

— Нам не о чем говорить, — она поднялась, собирая бумаги. — Прошло восемь лет. У меня своя жизнь, у тебя, полагаю, тоже.

— Не совсем такая, как ты думаешь, — произнёс он, тоже вставая.

— Меня не касается, какая у тебя жизнь, — отрезала Соня, хотя каждое слово царапало горло. — Меня касается только то, что здание должно быть сдано через восемь месяцев. Постараемся не пересекаться чаще необходимого.

Она вышла из переговорной с максимально ровной спиной, какую только смогла изобразить, и только в лифте позволила себе прислониться лбом к холодному металлу и медленно выдохнуть.

Вечером того же дня, дома, она рассказала обо всём Марине — единственному человеку, знавшему полную историю их с Данилой отношений.

— Он спрашивал, можем ли мы поговорить, — Соня свернулась в кресле с бокалом вина, которое так и не начала пить. — И я, конечно, отказала.

— Правильно сделала, — с готовностью поддержала Марина, разливая чай по кружкам на своей крошечной кухне. — Восемь лет прошло, а он вдруг решил, что имеет право на разговор?

— Вот именно, — кивнула Соня, хотя внутри у неё всё сжималось от совсем других, куда более сложных чувств, чем простая обида.

— А ты бы хотела? — вдруг спросила Марина, глядя на подругу поверх кружки. — Услышать объяснение. Ты же ни разу не позволила ему объясниться. Всегда говорила, что тебе всё равно.

Соня открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли где-то в горле.

— Не знаю, — честно призналась она наконец. — Не знаю, Мариш.

Оставшись одна, Соня ещё долго сидела в кресле, глядя в темноту за окном и вспоминая тот единственный раз за прошедшие восемь лет, когда она позволила себе всерьёз задуматься, что бы она сказала Даниле, если бы у неё был шанс. Это было три года назад, в ночь перед подписанием договора об увольнении из крупного бюро, когда одиночество и неуверенность в собственном будущем особенно остро напоминали о том, другом одиночестве — том, что накрыло её восемь лет назад.

Тогда она написала — и не отправила — короткое сообщение: «Надеюсь, у тебя всё хорошо. Иногда жалею, что мы никогда толком не поговорили». Черновик до сих пор хранился где-то в глубине записок на телефоне, ни разу не отправленный, ни разу не удалённый — молчаливое свидетельство того, что где-то очень глубоко внутри Соня никогда полностью не закрывала дверь, как бы убедительно ни доказывала обратное себе самой и окружающим.

Глава 5. Тень над семьёй Реутовых

О том, что творилось в жизни Данилы после того рокового сообщения, Соня, разумеется, не знала — да и не хотела знать. Но у этой истории была и другая сторона.

Восемь лет назад, за неделю до планового отъезда Данилы в Лондон, партнёр его отца по бизнесу, человек по имени Аркадий Фомич, которого Игорь Петрович Реутов считал едва ли не братом, оказался мошенником: годами выводил деньги компании через цепочку подставных фирм, оформляя фиктивные подрядные договоры. Когда схема вскрылась — случайно, благодаря дотошному аудитору из банка-кредитора, — на «Реутов и партнёры» повисли долги в несколько миллионов рублей, а имущество компании оказалось под угрозой ареста.

Игорь Петрович, узнав о предательстве человека, которому доверял двадцать лет, слёг с инфарктом прямо в собственном кабинете. Мать Данилы, Валентина Сергеевна, женщина властная и привыкшая контролировать всё вокруг, впервые в жизни оказалась совершенно беспомощной — и в панике металась между больницей, кредиторами и адвокатами, теряя голову от ужаса потерять и мужа, и дело всей семьи одновременно.

Данила, двадцатитрёхлетний, ещё толком не оперившийся в профессии, оказался единственным, кто мог хоть как-то удержать ситуацию под контролем — просто потому, что был единственным мужчиной в семье, способным стоять на ногах.

Первую неделю он не спал вовсе — курсировал между реанимацией, где боролся за жизнь отец, и офисом компании, где нужно было договариваться с кредиторами об отсрочках, увольнять сотрудников, продавать активы, лишь бы избежать полного банкротства и уголовного дела.

О Соне, о Лондоне, о планах на совместную жизнь в эти дни он не думал вовсе — не потому, что не любил её, а потому, что в буквальном смысле забыл о существовании собственной жизни за пределами разгорающейся катастрофы.

Когда наконец выдалась свободная минута — на четвёртый день, поздно ночью, в машине на парковке больницы, — он взял телефон, чтобы позвонить Соне и всё объяснить. Но вместо этого позвонила мать: истерично, с криком, что если он немедленно не приедет разбираться с очередным кредитором, грозящим арестовать счета компании, она не переживёт этот день.

Данила отправил Соне то самое сообщение — коротко, холодно, второпях, между двумя звонками, — искренне полагая в тот момент, что делает единственно правильную вещь: отпускает её, пока не утянул за собой на дно вместе с семьёй. Он не представлял тогда, что это решение, принятое в состоянии абсолютного изнеможения и паники, определит следующие восемь лет его жизни.

Три года ушло на то, чтобы вытащить компанию из долговой ямы. Отец так до конца и не восстановился физически — сердце подводило его теперь регулярно, — и фактическое управление легло на плечи Данилы задолго до того, как он был к этому готов. Он работал по восемнадцать часов в сутки, лично объезжал стройплощадки, лично вёл переговоры с банками, лично увольнял и нанимал людей — и постепенно, шаг за шагом, «Реутов-Групп» (новое имя, под которым возродилась компания) не просто вышла из кризиса, а стала одним из крупнейших девелоперов города.

Но с каждым годом успеха мысль о том, что нужно вернуться к Соне и объясниться, казалась ему всё более невозможной — слишком много времени прошло, слишком сильно, наверное, она его возненавидела, слишком многое изменилось в них обоих.

А потом однажды на его столе оказалась папка с итогами конкурса концепций для фабрики на Обводном канале — и первым же именем в списке победителей значилось: «Архитектурная студия С. Артёмовой».

Данила смотрел на это имя добрых десять минут, прежде чем осознал, что руки у него дрожат впервые за много лет.

В тот вечер он допоздна засиделся в своём кабинете, разглядывая присланные студией Артёмовой визуализации будущей фабрики — смелые, но при этом удивительно деликатные по отношению к историческому зданию решения, безошибочно узнаваемый почерк человека, который когда-то, ещё студенткой, спорила с ним до хрипоты о том, что архитектура обязана уважать память места.

Он мог бы поручить переговоры по проекту кому-то из заместителей — благо, штат «Реутов-Групп» позволял делегировать подобные встречи без малейшего ущерба для дела. Но что-то — любопытство, тщательно скрываемое от самого себя чувство вины, а может, и робкая, едва оформившаяся надежда — заставило его лично отправиться на первую встречу с победителем тендера, прежде чем он успел до конца осознать, на что именно идёт.

«Может, это судьба даёт мне второй шанс объясниться», — подумал он тогда, закрывая папку с документами. Мысль показалась ему одновременно нелепой и неотступной — за прошедшие годы он привык принимать взвешенные, рациональные бизнес-решения, но сейчас, кажется, впервые за долгое время собирался поступить не по расчёту, а по зову куда менее рационального, но куда более настойчивого чувства.

Часть вторая. Стройплощадка

Глава 6. Первый день на объекте

Стройплощадка встретила Соню запахом старого кирпича, машинного масла и осенней сырости — тем особым сочетанием, которое она любила в реставрационных проектах больше всего: ощущением, что здание живо, что оно ещё способно рассказать свою историю, если суметь правильно её прочитать.

Первые недели работы над проектом Соня старательно избегала личного контакта с Данилой, общаясь через его помощника, менеджера проекта по имени Кирилл, или по электронной почте — сухими, безупречно вежливыми письмами, в которых не было ни одного лишнего слова. Она гордилась собой за эту дисциплину: восемь лет назад она бы не выдержала и недели, а теперь спокойно проработала почти месяц, ни разу не сорвавшись.

Но реставрация исторического здания — процесс, полный неожиданностей, а решения зачастую требовались немедленно, без времени на дипломатичную переписку.

— Балки на третьем этаже хуже, чем показывала экспертиза, — сообщил прораб, немолодой основательный мужчина по имени Валерий Петрович, однажды хмурым октябрьским утром, пока Соня в каске придирчиво осматривала обнажившиеся деревянные конструкции. — Гниль пошла глубже, чем думали инженеры на этапе тендера. Нужно либо менять концепцию сохранения, либо согласовывать дополнительный бюджет на усиление и частичную замену. А это уже не ко мне, а к заказчику.

У Сони неприятно засосало под ложечкой. Дополнительный бюджет означал разговор с Данилой. Личный разговор, не через посредников.

Полчаса спустя на объекте появился он сам — тоже в каске, что почему-то показалось Соне до нелепого трогательным зрелищем: серьёзный, влиятельный мужчина в дорогом пальто и строительной каске, забрызганной строительной пылью, — и, не тратя времени на формальности, поднялся к ней на леса, ловко перехватывая поручни.

— Что случилось? — спросил он деловито, разглядывая повреждённые перекрытия с видом человека, который действительно понимает, на что смотрит.

Соня объяснила ситуацию сухим профессиональным тоном, тщательно избегая его взгляда, разворачивая перед ним схему повреждений, которую успела набросать за утро. Данила слушал внимательно, задавал точные вопросы про степень поражения древесины, про альтернативные материалы, про сроки, а потом, к её удивлению, безоговорочно согласился на её вариант решения — более дорогой, предполагающий ручную реставрацию сохранившихся участков и деликатную замену утраченных фрагментов состаренной древесиной, но сохраняющий историческую подлинность здания в максимальном объёме.

— Ты уверена, что справишься с таким объёмом ручной работы в срок? — спросил он, впрочем, скорее с уважением, чем с сомнением. — Это на две недели больше, чем закладывали изначально.

— Я всегда справляюсь, — коротко ответила Соня.

— Знаю, — тихо произнёс он, и что-то в его голосе заставило её наконец поднять глаза. Он смотрел на неё так, как смотрел когда-то давно — восемь лет назад, до Лондона, до банкротства, до молчания. — Ты всегда была самой упрямой и самой талантливой из всех, кого я знал.

Соня отвернулась первой, чувствуя, как предательски забилося сердце.

— Мне нужно вернуться к работе, — быстро сказала она и спустилась с лесов, оставив его наверху одного.

Он не последовал за ней. Просто ещё какое-то время стоял среди старых балок, глядя вниз, туда, где Соня уже отдавала распоряжения бригаде, и на его лице было выражение человека, вспоминающего что-то очень давнее и очень дорогое.

Вечером того же дня, когда бригада рабочих уже разошлась, а стройплощадка погрузилась в непривычную тишину, Соня осталась одна, чтобы в спокойной обстановке пройти по этажам и свериться с рабочими чертежами. Тёмные окна фабрики отражали последние отблески заката, а гулкое эхо её шагов разносилось по пустым, ещё лишённым перегородок пространствам будущих залов.

Именно в такие моменты, наедине со зданием, Соня чувствовала себя по-настоящему на своём месте — не архитектором, представляющим проект совету директоров, не участницей сложных переговоров с инвестором, а просто человеком, влюблённым в саму материю пространства: в то, как свет падает сквозь высокие фабричные окна, как звук отражается от кирпичных сводов, как даже полуразрушенное здание способно рассказать историю тех, кто когда-то в нём работал.

— Не боишься здесь одна в темноте? — раздался за спиной знакомый голос, заставивший её вздрогнуть от неожиданности.

— Кирилл! — Соня обернулась, узнав менеджера проекта, задержавшегося допоздна за проверкой графика поставок материалов. — Напугал до чёртиков.

— Извини, — с улыбкой сказал он, подходя ближе с планшетом в руках. — Данила Игоревич просил проверить обновлённый план поставок на следующую неделю, а я увидел свет на втором этаже и решил заглянуть.

Кирилл Осокин, тридцатилетний менеджер проекта, работавший на Данилу уже пять лет, оказался за прошедшие недели одним из самых приятных людей в команде «Реутов-Групп», с которыми Соне доводилось иметь дело: дотошный, ответственный, но при этом лишённый той высокомерной снисходительности, с какой порой относились к маленькой студии некоторые представители крупного инвестора.

— Как тебе работается с Данилой Игоревичем? — не удержалась от вопроса Соня, пока они вместе спускались по временной лестнице к выходу.

— Строгий, но справедливый начальник, — честно ответил Кирилл. — Требователен к деталям, но никогда не срывается на людях, даже когда дела идут не так, как планировалось. После истории с обвалившимся отцовским бизнесом он, кажется, поставил себе задачу никогда больше не терять контроль над ситуацией — но при этом остаётся человеком, а не бездушной машиной для принятия решений, как некоторые управленцы его уровня.

Соня понимающе кивнула, чувствуя, как слова случайного собеседника невольно подтверждают то, что она сама начинала видеть в Даниле последние недели — не холодного бизнесмена из первой встречи в переговорной, а человека, научившегося прятать ранимость за профессиональной сдержанностью.

— Кстати, — добавил Кирилл уже у выхода, — вся команда заметила, что он в последнее время задерживается на объекте куда чаще, чем того требует его должность. Мы, конечно, не сплетничаем, — с лукавой улыбкой добавил он, — но выводы делать умеем.

Соня почувствовала, как щёки предательски заливают румянец, и поспешила распрощаться, оставив Кирилла посмеиваться про себя над её реакцией.

Глава 7. Марина и Артём

— Он опять появлялся на объекте, — сообщила Соня вечером того же дня, сидя на кухне своей квартиры напротив Марины, которая методично нарезала овощи для ужина с видом человека, полностью поглощённого готовкой, хотя на самом деле ловила каждое слово.

— И как всё прошло? — как бы между делом спросила Марина.

— Профессионально, — Соня отхлебнула чай. — Обсудили бюджет на усиление балок. Он согласился на мой вариант без единого возражения.

— Романтично, — фыркнула Марина.

— Марин.

— Что? Я просто отмечаю факт: мужчина, который восемь лет назад пропал без объяснений, теперь безоговорочно доверяет твоему профессиональному мнению и смотрит на тебя так, что ты потом полчаса рассказываешь мне об этом взгляде вместо того, чтобы обсуждать бюджет.

Соня хотела возразить, но осеклась, понимая, что подруга, увы, права.

Марина появилась в жизни Сони четыре года назад, ещё студенткой третьего курса, пришедшей на стажировку в маленькую студию, которая на тот момент состояла ровно из одного человека — самой Сони, работавшей за кухонным столом съёмной квартиры. С тех пор Марина не просто осталась — она стала правой рукой, лучшей подругой и, пожалуй, единственным человеком, знавшим о Соне абсолютно всё, включая историю с Данилой, рассказанную в подробностях однажды поздней ночью после третьей бутылки вина.

— Просто будь осторожна, — уже серьёзнее сказала Марина, откладывая нож. — Я не хочу однажды снова собирать тебя по кусочкам, как в тот год после университета.

— Я взрослая женщина, Мариш. И я не собираюсь снова влюбляться в человека, который однажды уже сбежал.

— Ну да, — Марина не выглядела убеждённой, но спорить не стала.

Другим человеком, который знал историю Сони и Данилы не понаслышке, был Артём Волошин — их общий друг ещё со студенческих времён, единственный, кто сумел сохранить тёплые отношения с обоими после разрыва. Крупный, добродушный, работающий теперь в собственной компании по световому дизайну интерьеров, Артём давно и упорно считал, что расставание Сони и Данилы было чудовищной ошибкой, о которой оба будут жалеть всю жизнь, если ничего не предпримут.

— Слышал, вы теперь коллеги по фабрике, — как бы невзначай сказал он Соне, когда они случайно столкнулись в кофейне неподалёку от офиса студии несколько дней спустя.

— Не начинай, Тём.

— А что я? Просто интересуюсь работой старых друзей, — Артём невинно улыбнулся, размешивая сахар в кофе. — Кстати, чуть не забыл: у меня день рождения через две недели. Соберёмся у меня дома, узкий круг. Ты придёшь?

— Кто ещё будет? — насторожилась Соня.

— Обычные люди, Сонь. Друзья, — Артём слишком уж старательно избегал её взгляда, разглядывая витрину с пирожными, и это её насторожило ещё сильнее.

— Данила будет?

— Возможно, — уклончиво ответил Артём. — Он мой друг тоже, знаешь ли. Не могу же я вычёркивать его из списка гостей только потому, что вы двое не разговариваете уже восемь лет.

Соня вздохнула, понимая, что спорить бесполезно — Артём с юности отличался редким упрямством, особенно когда дело касалось идеи, засевшей у него в голове, а идея примирить

своих двух лучших друзей засела в его голове, судя по всему, ещё в тот самый год, когда они расстались.

— Хорошо, — сдалась она наконец. — Приду. Но учти: если это подстроенная встреча, я тебе этого не прощу.

— Ничего не подстроено, — с самым честным лицом на свете соврал Артём, пряча улыбку за кофейной чашкой.

Собираясь на день рождения две недели спустя, Соня долго стояла перед шкафом, перебирая наряды с придирчивостью, какой не позволяла себе уже очень давно, прежде чем одёрнуть саму себя за это неожиданное волнение.

— Я иду на день рождения старого друга, — вслух произнесла она собственному отражению в зеркале, — а не на смотрины. Совершенно не важно, как я выгляжу.

Тем не менее, из всего гардероба она выбрала именно то тёмно-зелёное платье, которое, как она помнила ещё со студенческих времён, Данила когда-то называл её любимым цветом — воспоминание, всплывшее совершенно некстати и заставившее её раздражённо тряхнуть головой, отгоняя непрошеную сентиментальность.

Глава 8. Лекция в альма-матер

В начале ноября деканат архитектурного факультета, где когда-то учились и Соня, и Данила, пригласил обоих выступить на ежегодной студенческой конференции, посвящённой памятникам промышленной архитектуры, — Соню как практикующего архитектора-реставратора, а Данилу как представителя инвестора, готового на деле, а не только на словах, поддерживать подобные проекты.

— Забавное совпадение, — заметил Данила, когда они случайно столкнулись у входа в знакомое здание факультета, оба с одинаковым выражением ностальгического узнавания на лицах.

— Ничего себе совпадение, — со смехом отозвалась Соня, оглядывая до боли знакомый вестибюль, почти не изменившийся за прошедшие годы. — Кажется, наш общий друг Артём снова тут ни при чём — на этот раз организаторы конференции ни сном ни духом не знали о нашей истории.

Они вошли в актовЫй зал вместе, и Соня, поднимаясь на кафедру для выступления, вдруг поймала себя на воспоминании: именно в этом самом зале, на предпоследнем курсе, она впервые публично защищала собственный дипломный проект, а Данила, тогда уже аспирант, сидел в третьем ряду и незаметно от преподавателей показывал ей поднятый вверх большой палец всякий раз, когда она сбивалась от волнения.

Спустя пятнадцать лет он снова сидел в зале, слушая её выступление — на этот раз не украдкой, а открыто, с нескрываемой гордостью, — и Соня, рассказывая студентам о философии бережной реставрации исторических зданий, время от времени ловила его взгляд и чувствовала, как голос звучит увереннее, будто его молчаливая поддержка каким-то образом придавала ей сил, как и много лет назад.

После собственного выступления, посвящённого экономической целесообразности инвестиций в реставрационные проекты, Данила подошёл к ней в опустевшем уже зале.

— Ты была великолепна, — тихо сказал он. — Как всегда, впрочем.

— Ты тоже неплохо держался, — с тёплой улыбкой ответила Соня. — Особенно для человека, который в студенчестве на дух не переносил публичные выступления.

— Пришлось научиться, — усмехнулся он. — Управлять компанией без этого навыка не получится.

Они вместе вышли из здания факультета в прохладный ноябрьский вечер, и, не сговариваясь, направились в сторону набережной — туда, где когда-то, студентами, часто гуляли после занятий, обсуждая архитектурные теории и делясь мечтами о будущем.

— Помнишь ту крышу на Васильевском? — вдруг спросила Соня, останавливаясь у знакомого поворота. — Ту самую заброшенную пятиэтажку, куда мы забирались смотреть закаты?

— Конечно помню, — тепло улыбнулся Данила. — Я же тогда впервые сказал, что хочу прожить с тобой всю жизнь. Разве такое забывается?

Соня почувствовала, как сердце пропускает удар от этого признания, произнесённого так легко, будто оно вовсе не было отягощено грузом восьми прошедших лет.

— Дом давно снесли, — тихо сказала она. — Года три назад, кажется. Построили на его месте очередной бизнес-центр без единой архитектурной изюминки.

— Жаль, — Данила нахмурился, будто эта новость расстроила его сильнее, чем можно было ожидать от простого факта городской застройки. — Это место было важным. Для нас обоих.

— Может, поэтому и жаль, что оно исчезло, — задумчиво заметила Соня. — Иногда мне кажется, что города забывают свою историю быстрее, чем люди — свои чувства.

Они долго стояли молча у того самого поворота, глядя на новое, безликое здание на месте прежней заброшенной пятиэтажки, и Соня, к своему собственному удивлению, вдруг поняла, что не испытывает привычной горечи при мысли о прошлом — только тихую, светлую грусть, смешанную с осторожной, робкой надеждой на то, что новые воспоминания, которые они с Данилой создают сейчас, окажутся столь же прочными, как те, старые, несмотря на снесённые здания и минувшие годы.

Глава 9. Конкурент

Пока Соня разбиралась в собственных чувствах, на горизонте проекта появилась угроза совсем иного рода.

Виктор Лаврентьев, владелец крупного архитектурного бюро «Стройформ», проиграл тендер на реконструкцию фабрики её маленькой студии — и проигрыш этот дался ему тяжело: не столько из-за упущенной прибыли, сколько из-за уязвлённого самолюбия. Лаврентьев привык побеждать, привык, что крупные девелоперы выбирают именно его бюро, и поражение от студии из пяти человек, возглавляемой женщиной, которую он даже не считал серьёзным конкурентом, воспринял как личное оскорбление.

Спустя месяц после начала работ по фабрике до Сони стали доходить тревожные слухи: кто-то из знакомых архитекторов упомянул, что Лаврентьев рассылает по профессиональным чатам «предупреждения» о том, что студия Артёмовой якобы допустила серьёзные технические ошибки в проекте усиления перекрытий, способные привести к обрушению.

— Это же полная чушь, — возмущённо сказала Соня, показывая Марине скриншот одного из таких сообщений, присланный ей возмущённой коллегой. — Мы даже не начинали работы по усилению, откуда там взялись ошибкам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.